

А. А. Хохлов

Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел

УДК 271.2-745-9:348(091)(470)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_214
EDN WCOHNG

Аннотация: В статье раскрывается специфика епархиального судопроизводства 2-й пол. XIX в., его принципы, характер и корреляты. Анализ проблемы дается на основе одного из следственных дел Казанской духовной консистории. Делается вывод, что, несмотря на сравнительно высокий уровень нормативной базы, комплектовавшейся из положений канонического права и церковного законодательства, декларируемые принципы с трудом находили применение в повседневной правоприменительной практике епархиального уровня. Исторические и социальные условия, базировавшиеся на психологии и культуре приходских пастырей и паствы, в определенной степени детерминировали характер их правосознания, оказывая заметное влияние на подходы консисторий к судопроизводству. Де-факто при вынесении решений последними текущие обстоятельства играли едва ли не большую роль, нежели принцип объективной законности, который эксплицитно замещался утилитарностью. Это влекло за собой характерные эффекты. Обозначенная проблема особенно ярко проявляла себя в делах с гендерной спецификой. Заявленная тема является одной из первых попыток очертить контуры новой исторической проблематики. При осуществлении исследования были задействованы историко-генетический и историко-системный подходы. Привлеченные источники впервые вводятся в научный оборот.

Статья написана на основании доклада, сделанного автором на конференции «Церковное право и культура: грани взаимодействия» (СПбДА, 21 октября 2022 г.).

Ключевые слова: судопроизводство, законодательство, право, правосудие, преступление, половая неприкосновенность, практика.

Об авторе: **Александр Анатольевич Хохлов**

Кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений Казанского федерального университета, действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

Для цитирования: Хохлов А. А. Специфика епархиального судопроизводства второй половины XIX в. на примере одного из дел // Христианское чтение. 2023. № 1. С. 214–224.

Статья поступила в редакцию 20.12.2022; одобрена после рецензирования 16.01.2023; принята к публикации 18.01.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 1

2023

Alexander A. Khokhlov

The Specifics of Diocesan Legal Proceedings of the Second Half of the 19th Century Based on the Example of One of the Cases

UDK 271.2-745-9:348(091)(470)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_1_214
EDN WCOHNG

Abstract: The article reveals the specifics of diocesan legal proceedings in the second half of the 19th century, its principles, nature and correlates. The analysis of the problem is given on the basis of one of the investigation cases of the Kazan Spiritual Consistory. It is concluded that, despite the relatively high level of the regulatory framework, which was completed from the provisions of canon law and church legislation, the declared principles were hardly applied in the daily law enforcement practice of the diocesan level. Historical and social conditions, based on the psychology and culture of parish pastors and flocks, to a certain extent determined the nature of their legal consciousness, exerting a noticeable influence on the approaches of consistories to legal proceedings. De facto, when decisions were made by the latter, current circumstances played almost a greater role than the principle of objective legality, which was explicitly replaced by utilitarianism. This entailed characteristic effects. The identified problem manifested itself most clearly in cases with gender specificity. The declared topic is one of the first attempts to outline the contours of a new historical problematic. The study involved historical-genetic and historical-systemic approaches. The sources involved are introduced into scientific circulation for the first time.

The article was written on the basis of a report made by the author at the conference “Church Law and Culture: Facets of Interaction” (St. Petersburg Theological Academy, October 21, 2022).

Keywords: legal proceedings, legislation, law, justice, crime, sexual integrity, practice.

About the author: **Alexander Anatolyevich Khokhlov**

Ph. D., Associate Professor of the Department of Anthropology and Ethnography of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage at the Institute of International Relations of Kazan Federal University, full member of the T.V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: kazan_molodezh@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2920-0287>

For citation: Khokhlov A. A. The Specifics of Diocesan Legal Proceedings of the Second Half of the 19th Century Based on the Example of One of the Cases. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 1, pp. 214–224.

The article was submitted 20.12.2022; approved after reviewing 16.01.2023; accepted for publication 18.01.2023.

Во 2-й пол. XIX в. духовные консистории являлись ключевым звеном системы епархиального управления Русской Церкви. Размещались они в губернских городах, связывая епархиальную администрацию с причтами, трудившимися «на земле». Ст. 1. Устава Духовных консисторий в редакции 1883 г. гласила: «Духовная Консистория есть Присутственное место, через которое, под непосредственным начальством Епархиального Архиерея, производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Российской Церкви, именуемом епархией» (Устав, 1883, 1). Таким образом, наряду с управленческими, судебные полномочия являлись одной из прерогатив консисторий, реализация которых сосредотачивалась в руках правящих архиереев, консисторских служащих из числа местного духовенства и чиновников.

Консисторское администрирование регламентировалось Уставами Духовных консисторий 1841 и 1883 гг. и сопутствующими синодальными подзаконными актами. Следственные и судебные составляющие выделялись в них в особую категорию, что говорит о принципиальном внимании законодателя к данному кругу вопросов. Иными словами, с точки зрения теоретического оформления правовых принципов епархиальные следствие и суд выглядели стройно и непротиворечиво. Однако реалии повседневной жизни вносили коррективы в картину правоприменительной практики, а в ряде случаев и вовсе определяли характер судебного вердикта. Таким образом, адекватное понимание заявленной проблемы едва ли возможно без учета обозначенных нюансов.

Особое влияние в рассматриваемом контексте оказывали социальные, правовые и прочие условия жизни приходского духовенства, неразрывно связанного с историческими и культурными особенностями страны проживания и ее отдельных регионов. По данным Б. Н. Миронова, опирающегося на сведения 10-й ревизии, население Российской империи накануне аграрной реформы 1861 г. составляло 60 млн 188 тыс. человек [Миронов, 2014, 511]. А. Бушен отмечал, что крестьянство составляло до четырех пятых общей численности подданных — 52 млн 315 тыс. 628 чел. (Статистические таблицы, 1863, 306). От губернии к губернии картина, однако, менялась. Так, в Казанской губернии в начале пореформенного периода на 100 человек приходилось 90,76 крестьян — один из самых высоких показателей в стране. По данным первой всероссийской переписи населения 1897 г. этот показатель был скорректирован в большую сторону — 94,3% (Перепись, 1904, 14). Закономерно, что при таком раскладе в Казанском Поволжье преобладали причты сельские, а местная консистория управляла и вершила суд прежде всего над деревенским духовенством, носителем полукрестьянского социокультурного облика. Близость к народу, как отмечали современники, вообще была свойственна приходскому клиру, представители которого «из народа вышли и от него не отделяются ни в житейском быту, ни в добродетелях, ни в самых недостатках, с народом и стоят и падают...» (Победоносцев, 1896, 214).

Во многих регионах обширной империи, помимо прочего, на общую картину накладывал отпечаток этнический фактор. К примеру, до половины православной паствы в Казанской епархии составляли «инородцы»: чуваша, мари, мордва, удмурты и прочие, представленные многоликими этно-территориальными группами. В силу отсутствия у последних национального духовенства окормление этой части верующих вплоть до начала XX в. было закреплено за русским священством. Однако наличие в их социокультурном пространстве специфических форм обычного права, локальных традиций и устоев не могло не сказываться на характере и культурных акцентуациях самих пастырей. Последние в течение жизни практически безвылазно пребывали на приходах в кругу прихожан и помимо своей воли усваивали нормы общежития местного населения в силу целого ряда объективных обстоятельств: брачных контактов, матримониальных связей, совместной хозяйственной и религиозной деятельности и т. д.

Немаловажное значение в процессе усиления этого взаимовлияния играла плотная экономическая взаимосвязь. Однако здесь отчетливо проявлял себя довольно

странный парадокс: обладая более высоким правовым статусом, священно- и церковнослужители находились в тотальной материальной зависимости от своих менее привилегированных прихожан. Иными словами, пропитание сельских причтов в значительной степени ложилось на крестьянские плечи и от настроений (а нередко и капризов) последних зависело. В периоды глубоких социально-экономических трансформаций настроения народных масс закономерно менялись, а имевшие место противоречия приобретали резкое звучание. Так, архивные фонды Духовных консисторий пестрят сообщениями о росте саботажных настроений в крестьянстве после 1861 г., ширившейся практике неуплаты духовенству руги, нежелании жертвовать частью своего скудного урожая в пользу причтов, спорах с последними об актуальности этого старинного обычая в новых условиях.

Очевидно, такое положение дел не могло не влиять не только на повседневные стратегии поведения духовенства на приходах, но и на подходы консисторий к применению канонических и церковно-законодательных норм в процессе регулирования ими церковной жизнедеятельности. Под давлением обстоятельств епархиальные администрации нередко проявляли правовую и этическую гибкость, что неизбежно сказывалось на юридической безупречности их правосудия. Так, несмотря на декларируемое порицание доносительства и периодическое введение санкционных мер, направленных на купирование этого социально-бытового порока, архиереи и консистории нередко сами же использовали доносы в качестве основы дознаний и следствий по проступкам и преступлениям подвластного им клира (Известия, 1893, 771–774). Таким образом замыкался порочный круг, существование которого в немалой степени было обусловлено тем, что доносительство имело в народе широко распространенный и устойчивый характер (см.: [Хохлов, 2022]).

Эта непоследовательность духовной власти, особенно ярко проявлявшая себя в резонансных случаях, заставляла ее балансировать между требованиями государственного и церковного законов, с одной стороны, и интересами собственной социальной группы — с другой. Архивные дела открывают нам нетривиальную картину подобной этико-правовой эквилибристики, свидетельствующую, впрочем, не столько о кризисном состоянии церковного организма, сколько о многосложном и неоднозначном характере его жизни. В сущности, последняя никогда не ограничивалась простыми бинарными оппозициями «хорошее-плохое», «законное-незаконное», «допустимое-недопустимое».

На определенных уровнях этого процесса перманентно давала о себе знать глубоко укоренившаяся практика мздоимства, сказывавшаяся на скорости и объективности делопроизводства, так и на итоговых решениях. Указаний на подобные факты даже в опубликованных и доступных широкому кругу источников встречается немало. Так, митр. Евлогий (Георгиевский) вспоминал, как по назначении в Холмские архиереи в 1892 г. обнаружил засилье взяточничества среди консисторских чиновников, без стеснения бравших плату за отпуск в католичество жителей его епархии (Георгиевский, 2022). Епископ Туркестанский Паисий (Виноградов) в 1905 г. по этому поводу извинительно замечал: в консисториях взятки ограничиваются рублями и десятками рублей, тогда как в других местах — сотнями и тысячами (Отзывы, 2004, 91–92).

Такое неутешительное положение дел можно было бы списать на окраинный характер указанных территорий, плохо поддававшихся контролю канцелярии обер-прокурора. Однако данное умозаключение не выдерживает критики. Священник Александр Розанов, начинавший служение в одной из поволжских епархий, в своих знаменитых «Записках» ярко и в деталях описывает безудержную коррупцию, пышным цветом расцветавшую в среде местных консисторских столоначальников (Розанов, 1882, 158–159). Таким образом, проблема коренилась отнюдь не в географии, а скорее в особенностях общей правовой и этической культуры. Поэтому неудивительно, что публицист К. Первозчиков в 1905 г., проанализировав современную ему практику епархиального администрирования, в итоге был столь эмоционален: «Кому, например, прикажете жаловаться на о. благочинного, если ему не понравится

ваша физиономия и он начнет вас с достойным лучшей участи усердием теснить и преследовать? Консistorии? <...> Доказывайте, сколько хотите, этому почтенному ареопагу, что вы правы. <...> Доводы ваши будут „оставлены без последствий“. Вы можете, правда, апеллировать к епископу. Но не обольщайтесь сладкими надеждами на непреходящий успех! Во-первых, благочинный — одно из очей епископа — часто бывает у последнего, втирается в его доверие и потому говорит и действует безапелляционно; во-вторых, многие епископы не менее консисторий повинны в ревнивом, во что бы то ни стало оберегании своей власти; в-третьих, жалоба ваша непременно будет сдана „в консисторию на рассмотрение“, а там по ней будет затребовано объяснение благочинного, которое вам не покажут и возражать на которое не позволят... Если так трудно тягаться с благочинным, то что же станете делать, подпав воздействию личного усмотрения „епархиального начальства“? И жалобы в Синод несколько тут не помогут. А между тем епископ может лишить вас и вашу семью куска хлеба, заклеймить вас званием преступника, лишить свободы заключением в монастырь, запретить священнослужение, низвести в причетники, — словом, одним взмахом пера, так часто отражающим минутное настроение пишущего, может отнять у вас все то, что вправе отнять только беспристрастный, лично не заинтересованный суд» (Преображенский, 1905).

Так выглядит общий контекст заявленной проблемы. Не имея возможности в рамках журнальной статьи сопроводить его многочисленными примерами, позволим себе остановиться лишь на одном из них. С нашей точки зрения, оптимальным представляется случай, окрашенный гендерной спецификой. Положение женщин в рамках епархиального судопроизводства, как одной из наименее защищенных категорий рассматриваемого времени, само по себе репрезентативно. Именно отношение к представительницам уязвимой группы является характерным показателем всей системы епархиального правосудия, подсвечивающим ее проблемы и недостатки.

Условия патриархального общества, каковым было российское образца 2-й пол. XIX в., ставили женщин в жесткие, а в ряде случаев и бесчеловечные рамки. Для защиты собственных интересов им приходилось преодолевать не только юридические, но и культурные барьеры¹. Но на такой подвиг оказывались способны единицы. Прочие же молча несли бремя мужской жестокости (см.: (Лудмер, 1885; Бобров, 1885)). В случае же, если в конфликт с представителем духовенства оказывалась вовлечено иносословное лицо, на правоприменительные подходы консисторий могла оказать влияние внутригрупповая солидарность, блокирующая реализацию принципа законности.

В 1864 г. в чувашском селе Багильдино Цивильского уезда Казанской губернии произошло резонансное событие. Настоятель местной церкви свящ. Иоанн Акрамовский сообщил духовным властям о возмутительном поведении вдового приходского диакона Артемия Десницкого, на которого с жалобой обратилась на пасхальной седмице мать молодой крестьянки Прасковьи Федоровой Марфа Иванова. Женщина печаловалась, что в один из вечеров Десницкий, будучи в хмелю, заметил Прасковью в сенях дома. Проникнув в жилище и подкравшись к девушке сзади, мужчина попытался насильно ее «расцеловать» (ГАРГ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 5 об.). Отчаянное сопротивление жертвы не останавливало незваного гостя. Полагая, что девушка в доме одна, он вознамерился повалить ее на пол. Крики, однако, вскоре услышал отец несчастной, и диакон вынужден был спешно ретироваться.

Со слов о. Иоанна, о. Десницкий давно был известен слабостью к женскому полу. «Еще и в прошлом 1858 году ко вдовой просфирне Графене Михайловой, жившей в нашей церковной сторожке, в ночное время лез в окошко, что при исследовании <...> В том же году было раскрыто», — писал он (ГАРГ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 5 об.). Не получая желаемого, клирик выкидывал пироги, приготовленные Михайловой для причта, вместе с женой настоятеля запирали ее в сторожке и творил прочие бесчинства. Кроме того, он нередко позволял себе в пьяном виде бить крестьян, а однажды

¹ Данной проблеме нами отдельно посвящена пара статей.

подговорил односельчан выманить ночью из дома своего сослуживца дьячка Никольского и нанести ему побои. Постепенно диакон дошел до того, что, будучи в нетрезвости, «произвел буйство в церкви», схватив за шиворот и оттащав самого настоятеля (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 9 об.).

Обращения о. Акрамовского к епархиальным властям по указанным инцидентам положительного эффекта не давали. Назначаемые консисторией по указу архиерея дознания вскоре останавливались, а со временем и вовсе прекращались. Вот и в деле крестьянки Федоровой реакция духовной власти ограничилась формальным соблюдением прописных правил.

Однако прибывший на место епархиальный следователь свящ. Веселецкий не смог допросить о. Десницкого. Узнав о решении архиерея, последний неожиданно «заболел». При этом болезнь не стала препятствием для приглашения в его дом церковного старосты, обильного угощения того вином с намерением склонить к даче ложных показаний.

Факт того, что на допрос явился уже нетрезвый свидетель, однако, не смутил о. Веселецкого. Он спокойно принял показания, успокаивая свящ. Акрамовского тем, что все издержки «берет на себя» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 9 об.). Но последний не унимался: «Брать дело на себя, значит самонадеянное управство и распоряжение по собственному произволу вопреки постановленных законов, вопреки препоручению и доверенности Начальства» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 9 об.). Однако его протесты остались без внимания.

Впрочем, о. Веселецкий свел на нет и это дело. Сославшись на невозможность обстоятельного расследования, он вскоре покинул Багильдино. Повторно здесь он появился только спустя четыре месяца. Вероятно, опасаясь жалобы настоятеля и прихожан в консисторию на нераспорядительность и халатность, следователь принялся имитировать разбирательство, затягивая тем самым вынесение вердикта.

Необходимо отметить, что местные жители в большинстве своем также не торопились вступаться за пострадавшую. Одна из причин этого крылась в том, что, используя проверенный метод, о. Десницкий щедро опаивал свидетелей. На этих попойках и произошло оформление их противозаконного сговора — выгородить преступника и обвинить настоятеля прихода и Прасковью Федорову в клевете и ложном доносительстве. В итоге девушку при проведении очных ставок публично порочили и оскорбляли, стремясь максимально парализовать ее волю. Следователь же, видя это, многозначительно молчал (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 9 об.).

Со слов о. Акрамовского, бедственное состояние приходской жизни было вызвано тем, что благочинный — свящ. Романовский, упорно покрывал порочное поведение диакона (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 5 об.). На этом основании о. Иоанн не преставал печаловаться архиерею: «Итак, несмотря на неисправимые поступки диакона, прикрываемые благочинным, уже ли и Епархиальное начальство согласно с желанием благочинного попустит к вящим распутствам, нетерпимым в духовном сане?» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 6 об.). Однако безрезультатно.

Пущенная таким образом на самотек ситуация в конечном счете обернулась чрезвычайными обстоятельствами. Спустя два месяца после обозначенных событий в один из вечеров Прасковья возвращалась домой из уездного Цивильска. По дороге ей повстречался о. Десницкий, ехавший верхом на лошади. Увидев девушку, он спешил и принялся нещадно ее избивать. Дальнейший ход событий описал о. Акрамовский. «Прасковья прибежала ко мне. Я ее успокоил. И отправил домой. Но как только она вышла, Десницкий с сыном-семинаристом уже у ворот ждали ее и принялись вдвоем избивать. Она не выдержала и закричала „караул“. Сбежался народ. Я вышел. Увидел ее лежащую на снегу в слезах. А Десницкий с сыном стояли над ней» (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 13 об.).

Жестокость сослуживца потрясла престарелого священника. Он не мог понять, как диакон решился избивать человека у ворот дома своего настоятеля. Ответ на этот вопрос он находил только в одном: тайном стремлении о. Десницкого

забить крестьянку до смерти, обвинив в преступлении ненавистного ему священника (ГАРГ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 14).

И вновь консистория реанимировала застопорившееся было следствие, с вменением о. Веселецкому вести процедуру в строгом соответствии с Уставом духовных консисторий и соблюдением всех сроков. Но о. Десницкий упорно саботировал его и по привычке не являлся к следователю, сетуя на «болезнь» и письменно обвиняя о. Акрамовского во лжи.

По всей видимости, страх в селе перед мезьей буйного диакона был настолько силен, что даже жена некогда пострадавшего дьячка Никольского под предлогом беременности отказалась явиться на очную ставку. Часть же крестьян, пристрастившихся к обильным угощениям о. Десницкого, и вовсе открыто приняла его сторону. Дело постепенно рассыпалось. Только несколько добропорядочных прихожан подтвердили предосудительное поведение священнослужителя, заявив о своем категорическом нежелании иметь его в своем приходе. Впрочем, сторонники о. Десницкого все же предусмотрительно отказались дать руку рукоприкладчику для печати под показаниями, сумбурно сославшись на утомление от приходских тяжб.

Грубое нарушение и ограниченность следственных действий не стали препятствием для вынесения долгожданного вердикта Казанской Духовной консисторией. Но оказался он более чем парадоксальным. Несмотря на то, что члены причта и часть крестьян подтвердили показания своего настоятеля и Прасковьи Федоровой, вместо о. Десницкого подозреваемым стал о. Иоанн Акрамовский. Ему вменялась организация и исполнение ложного доноса на диакона на основании того лишь факта, что последний виновным себя упорно не признавал. За это престарелого священника оперативно сняли с должности и перевели в другой приход, где вскоре вывели за штат. Торжествующий о. Десницкий «за недоказанностью» от ответственности был освобожден. Дальнейшая судьба крестьянки Федоровой неизвестна.

Постараемся дать правовую оценку действиям диака. Артемия Десницкого и охарактеризовать правоприменительные подходы епархиальной власти, исходя из канонических принципов и действовавших на тот момент церковных и государственных законов.

Во-первых, в рамках канонического права насильственное растление женщины (оно же — бесчестие)² однозначно идентифицировалось как преступление. Однако ответственность за него, применительно к рассматриваемому случаю, не вполне определена. Причина этого кроется в том, что в 22-м правиле свт. Василия Великого санкции за растление определяются исключительно в связи с актом похищения женщины, что не соответствует контексту нашей проблемы (Правила, 2022). Кроме того, имело место похищение на бесчестие, но не сам акт. Между тем следует иметь в виду, что речь все же идет о случае с участием духовного лица, что неизбежно повышало планку этико-правовых требований. Исходя из этого, грубые сексуальные домогательства диакона подпадали под категорию блудодеяния, и на этом основании безусловно вступало в действие 25-е Апостольское правило, которое гласит: «Епископ, или пресвитер, или диакон, обличенный в блудодеянии, да будет извержен от священного чина» (Правила, 2022).

Насилие со стороны клирика, не имеющее сексуальной составляющей, в каноническом праве порицается аналогичным образом. При этом физическое воздействие подразделяется на собственноручное и осуществленное по просьбе или приказанию. И то и другое преступно. Согласно 27-му Апостольскому правилу, за избивание девушки клирику грозило наказание в виде извержения из сана (Правила, 2022). Следует, однако, учитывать хроническую нетрезвость диакона и совершение им ряда преступлений в пьяном виде. Канонически это могло рассматриваться как отягчающее обстоятельство. Согласно 42-му Апостольскому правилу, «Епископ, или пресвитер

² В каноническом праве, в отличие от современного понимания термина «растление» (вовлечение в сексуальные отношения лица, не достигшего совершеннолетия), рассматривается как сексуальные отношения с лицом любого возраста, в том числе насильственного характера.

или диакон, игре и пьянству преданный, или да престанет, или да будет извержен» (Правила, 2022).

Во-вторых, свои требования предъявляло и государственное законодательство, которые в условиях имперской правовой иерархии могло стать определяющим. Так, если нетрезвость, как обстоятельство совершения правонарушения, в государственном праве трактовалась неоднозначно³, то что касается насилия (побои, членовредительство и т. д.), позиция государства была прозрачной и гарантировала суровые санкции виновному лицу. В зависимости от конкретного содержания инцидента это могло быть тюремное заключение, ссылка в Сибирь и т. д. Данная установка распространялась и на случаи нарушения половой неприкосновенности женщин (ст. 2000 Уложения о наказаниях 1845 г.). Более того, в случаях гибели насильника при защите женщиной своего целомудрия и чести она избавлялась от наказания (ст. 1942) (Уложение, 1845, 753). Иными словами, деяния диак. Десницкого по нормам государственного права однозначно попадали в категорию уголовно преследуемых. Но здесь крылся нюанс, о котором будет сказано ниже.

В-третьих, говоря о нормах Устава Духовных консисторий 1841 г., регулировавших рассматриваемые вопросы с позиции церковного законодательства, следует отметить, что, согласно ст. 169, на время следственных мероприятий о. Десницкий должен был быть временно запрещен в священнослужении (Устав, 1843, 66). Однако документов, подтверждающих применение консисторией указанной меры, в деле не содержится. Ст. 196 гласит, что нарушение целомудрия духовным лицом становилось основанием для его исключения из духовного звания (Устав, 1843, 77). Прочие сексуальные аспекты в Уставе не оговаривались. О случаях физического насилия (побоев) в документе сказано только применительно к деянию, совершенному в пределах храма. По случаям, произошедшим вне священных мест, в Уставе есть упоминание о тяжком оскорблении, нанесенном клириком кому-либо за пределами церкви. Оно каралось отрешением от должности (ст. 197) (Устав, 1843, 77). За нетрезвость полагалась епитимья в монастыре (ст. 198) (Устав, 1843, 77).

Такова была нормативная база, которую, впрочем, еще предстояло задействовать. Вот тут и начали возникать проблемы. Первый принципиальный вопрос: почему в деле не просматривается участие представителей государства? Учитывая тот факт, что пострадавшей стороной было лицо, не принадлежавшее к духовному званию, согласно ст. 160 Устава 1841 г., по делам подобного класса полагалось «предварительное следствие в духовном ведомстве в присутствии чиновника городской или земской полиции» (Устав, 1843, 62). При этом обязанность доказательства собственной невиновности возлагалась на подозреваемого (Устав, 1843, 62). Этого сделано не было. Судя по аналогичным случаям, содержащимся в архивных источниках, можно сделать вывод, что Церковь принципиально блюла свою монополию на следствие и суд над проштрафившимся духовенством, даже если правонарушение носило тяжкий характер. Тот факт, что Прасковья Федорова принадлежала к крестьянскому сословию, исходя из чего ситуация настоятельно требовала применения положения ст. 160, не менял общей картины. Требование о разграничении по подследственности, как правило, по умолчанию игнорировалось и Церковью, и государством. Зачастую полиция просто не горела желанием вторгаться в сферу церковных интересов. За исключением случаев убийств, тяжких увечий и прочих правонарушений, т. е. тех преступлений, которые самим своим характером вынуждали к участию уголовный суд.

³ В ст. 113 Свода законов Российской империи 1834 г. указано, что любой совершивший деяние в состоянии опьянения считается виновным. Однако с введением Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. ключевую роль в судопроизводстве стало играть именно оно. Согласно ст. 112 Уложения 1845 г., в расчет принимался фактор умышленности приведения себя в нетрезвое состояние (Уложение, 1845, 36). При этом намеренность потребления спиртного еще требовалось доказать. В случаях неумышленного опьянения хмельное состояние в ряде случаев могло расцениваться и как нейтральное, и как смягчающее обстоятельство.

Тем не менее архиереем, Духовной консисторией и следователем — при сосредоточенности всей полноты судебной власти в их руках — требования канонов и церковного законодательства были откровенно проигнорированы. Вместо этого в деле наблюдаются признаки группового и индивидуального протекционизма, стремления ограничиться формальной стороной вопроса без изменения статуса кво на приходе. И причина этого крылась не только в правовой плоскости, но и в культурно-психологической⁴.

Выше мы частично дали ответы на поставленные ранее вопросы. Уместно лишь добавить, что правовая «второсортность» женщин в рамках патриархальной традиции осложнялась двумя факторами: характером доминировавшей общественной и бытовой культуры и ингрупповым фаворитизмом, проявлявшим себя в системе взаимодействия социальных групп.

Сколь ни прискорбно признавать, но насилие над женщиной составляло фон повседневности непривилегированных сословий в обозначенный исторический период. Прокурор О. Верецагин, основываясь на собственных полевых данных, отмечал, что «хорошее и гуманное отношение с женой у русского — исключение» (см.: (Верецагин, 1885)). Согласно В. Б. Безгину, реакция на изнасилование в народе не везде и не всегда была отрицательной. «Так, в отдельных селениях Орловской губернии случаи изнасилования не встречали столь сурового осуждения — напротив, к ним относились равнодушно. В случае изнасилования женщины здесь говорили: „Не околлица — затворица“. Про девушек — иначе: „Сука не захочет, кобель не вскочит“» (см.: [Безгин, 2015]). В нашем случае речь идет об «инородцах» — чувашах. Судя по характеру реакции односельчан на действия диака. Десницкого, культурное пространство багильдинского прихода как раз и было одной из тех местностей, где отношение к подобным поступкам отличалось, мягко говоря, пластичностью.

Ингрупповой фаворитизм — социально-психологический феномен, выражающийся в тенденции каким-либо образом содействовать членам собственной группы в противовес членам другой группы, — в равной степени был характерен и для духовенства. Форма организации межгруппового взаимодействия, характерная для дореформенной России, сама по себе предопределяла конкуренцию сословных групп и ориентацию на отстаивание неприкосновенности их членов перед лицом иносословного давления. Учитывая тот факт, что речь идет о случае, в котором участниками процесса выступали низкостатусные государственные крестьяне, только-только ставшие временно-обязанными, рассчитывать на справедливость и защиту со стороны закона Прасковье Федоровой не приходилось. Крепостные в принципе не имели права обращаться в государственные суды (см.: [Карнишина, 2014]). Суд над ними вершился элементарно — полицией. Известный юрист А. Ф. Кони отмечал, что при таком разбирательстве «понятие о судебном рассмотрении неизбежно переходило в понятие о бесконтрольном отношении к имущественным правам и к произвольной расправе» (см.: [Кони, 1914]). Однако и после судебной реформы 1864 г. ситуация на селе, зацементированная веками бесправия народных масс, менялась крайне медленно.

Тем не менее блудная страсть диака. Десницкого была лишь частью того комплекса проблем, под давлением которых оказался приход. Не стоит упускать из виду, что на стороне жертвы насилия были настоятель и часть прихожан. Это должно было усилить ее состязательные позиции. Однако источники сообщают, что ранее о. Акрамовский уже проигрывал в противостоянии с диаконом. Некогда он не сумел доказать преступления о. Десницкого, за что был оштрафован консисторией на значительную сумму в 10 руб. (ГАРТ. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. Л. 25–26). Ситуация осложнялась и тем, что тот же причетник Никольский сам состоял под следствием за пьяное буйство на кладбище

⁴ Мы сознательно оставили за рамками правовой оценки такие аспекты процесса, как нарушение следователем следственных процедур и отбора показаний, допущение морального давления на жертву насилия и наличие в анамнезе правонарушений виновного лица предыдущих проступков и преступлений. Их результат едва ли добавил бы диака. Десницкому оправдательных аргументов.

во время празднования чувашского праздника Семик. Эти обстоятельства не добавляли веса аргументам заявителей.

Таким образом, мнения архиерея и консистории закономерно склонились в пользу диака. Десницкого. Мотив, вероятно, заключался в стремлении сохранить «тихое и безмолвное житие» в глухом уголке епархии, патриархальные устои и вековые традиции в том смысле, в каком их понимало духовное начальство. Ведь наказание клирика влекло за собой не только признание факта проблемы и, как следствие, ее выход «в народ», но и нарушение гендерной иерархии, которая свято блюлась самой культурой общественных отношений. Подкрепляющую роль, вероятно, сыграла и позиция благочинного и следователя, а также большинства прихожан, в силу личных причин симпатизировавших о. Десницкому.

Справедливости ради стоит отметить, что далеко не каждое дело решалось подобным образом. Процедура и итог судопроизводства зависели от конкретных обстоятельств события, личности и установок архиерея, определявшего генеральную линию разбирательства. Нам известны случаи принципиальной объективности властных лиц и органов. Тем не менее налицо специфика правоприменительной практики консисторий, характеризовавшаяся доминированием субъективных и неправовых факторов в процессе вынесения вердиктов по подследственным делам. Не ошибемся, если скажем, что каноническое право и церковное законодательство, с одной стороны, и повседневная практика епархиального администрирования и судопроизводства, с другой, в рассматриваемый период существовали словно бы в различных плоскостях. И соотносились они лишь постольку, поскольку это позволяла текущая обстановка «в поле».

Источники и литература

Источники

1. ГАРТ – Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 4. Оп. 96. Д. 37. 46 л.
2. Бобров (1885) – *Бобров Д.* По поводу бабьих стонов // Юридический вестник. 1885. № 10.
3. Верещагин (1885) – *Верещагин О.* О бабьих стонах // Юридический вестник. 1885. № 4.
4. Георгиевский (2022) – *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М.: Художественная литература, 2022.
5. Известия (1893) – Известия по Казанской епархии, 1893. № 24.
6. Лудмер (1885) – *Лудмер Я. А.* Бабьи дела на мировом суде // Юридический вестник. 1885. № 11.
7. Отзывы – Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004.
8. Правила – Правила Святых Отцов Православной Церкви с толкованиями Епископа Никодима (Милоша). URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/canons_fathers_nikodim_milosh.pdf (дата обращения: 01.12.2022).
9. Правила – Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselenskih-soborov-s-tolkovanijami/ (дата обращения: 01.12.2022).
10. Перепись – Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Казанская губерния. СПб., 1904. XVI.
11. Победоносцев (1896) – *Победоносцев К. П.* Московский сборник. М: Синодальная тип., 1896.
12. Преображенский (1905) – Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской печати по вопросу о реформе / Сост. С. В. Преображенский. СПб., 1905.

13. Розанов (1882) — *Розанов А. И.* Записки сельского священника. Быт и нужды православного духовенства. СПб.: Тип. В. С. Балашова, 1882.
14. Статистические таблицы (1863) — Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра Внутренних Дел Центральным статистическим кабинетом. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863.
15. Уложение — Уложение о наказаниях 1845 г. СПб., 1845.
16. Устав — Устав духовных консисторий 1841 г. СПб., 1841.
17. Устав — Устав духовных консисторий 1883 г. СПб., 1900.

Литература

18. Безгин (2015) — *Безгин В. Б.* «Против воли ее и согласия». Изнасилование и растление в крестьянской среде и их уголовное преследование (конец XIX — начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2015. № 3 (45). С. 25–41.
19. Карнишина (2014) — *Карнишина Н. Г.* Судебная система Российской империи накануне проведения реформы 1864 г. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1 (29). С. 69–76.
20. Кони (1914) — *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы (к пятидесятилетию судебных уставов). М.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1914. 354 с.
21. Миронов (2014) — *Миронов Б. Н.* Российская империя: от традиции к модерну. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.
22. Хохлов (2022) — *Хохлов А. А.* Донос в государственном уголовном и церковном праве во второй половине XIX — начале XX вв.: сравнительный анализ сквозь призму теории и практики // Христианское чтение. 2022. № 2. С. 173–181.